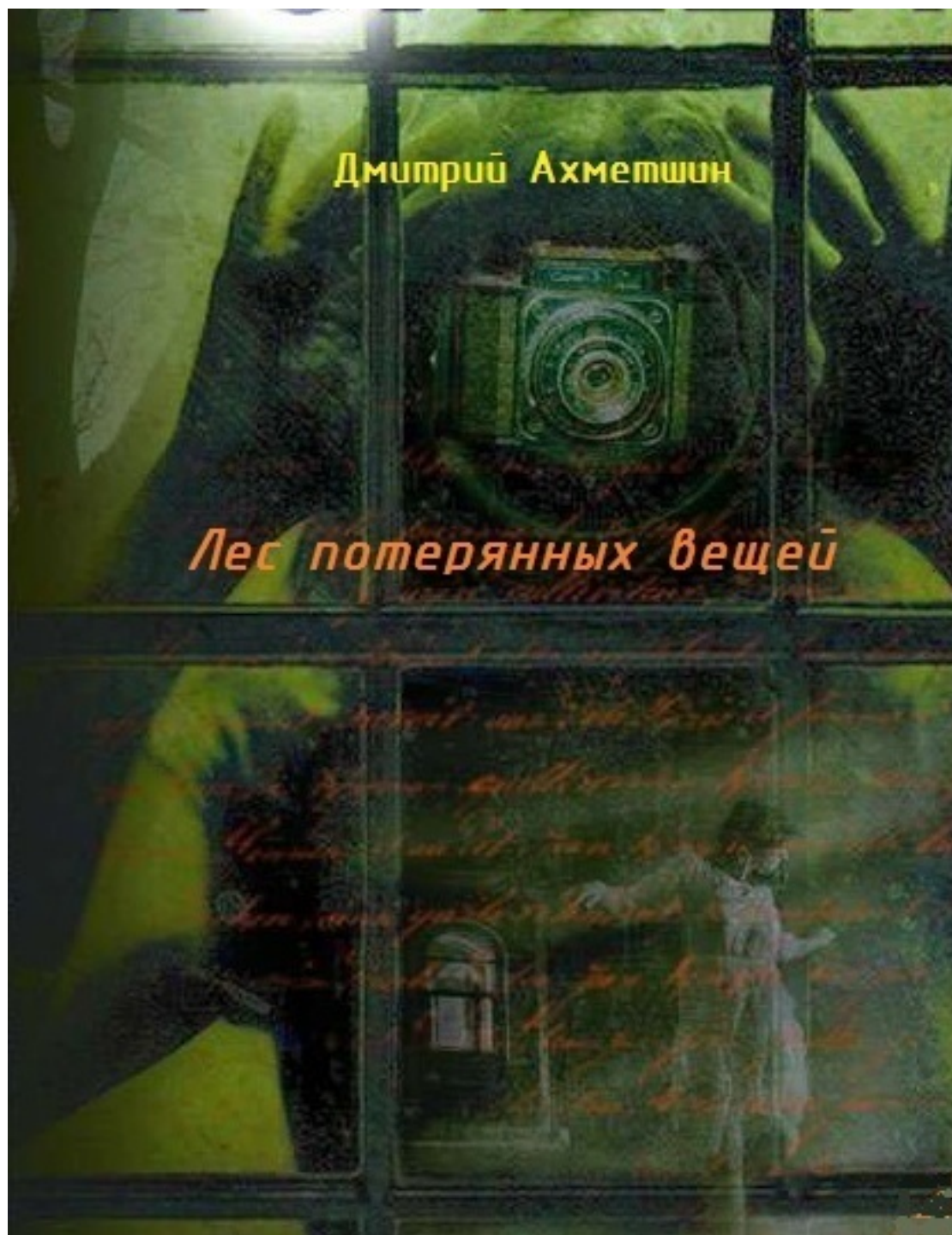

Дмитрий Ахметшин

Лес потерянных вещей

Дмитрий Ахметшин
Лес потерянных вещей

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ахметшин Д.

Лес потерянных вещей / Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Главный герой повести, повинуясь внезапному душевному порыву, на пороге зимы, решает посетить лесную избушку, когда-то принадлежащую его умершим родственникам. Здесь он обнаруживает неожиданную гостью, странную женщину, занимающуюся непонятными ему поисками. Периодически гостя исчезает неведомо где, а потом вновь появляется и продолжает свои розыски. К тому же, в лесу происходят и другие странные события... Герою предстоит понять, почему женщина возникла в его судьбе, и открыть для себя печальную тайну своей собственной жизни. Повесть опубликована в антологии "Полдень" №2 в 2017г.

Вячеслав проворно соскочил на перрон. Поезд остановился на двадцать четыре секунды – более чем достаточно, чтобы с него сошёл один человек. Заспанная проводница появилась из своей каморки, вооружённая чашкой с чаем. Было раннее утро, оно, как голосистая пёстрая птичка, свила на голове у женщины гнездо.

– И что вам дома не сиделось? – не слишком-то вежливо буркнула она.

Вячеслав улыбнулся, и тогда она, скорчив гримасу, рывком распахнула дверь. Грохнула, опускаясь, лестница.

– Прошу.

Оказавшись на перроне, Вячеслав помахал проводнице. Поезд тронулся; колёсные пары загудели, вгрызаясь в рельсы. Повернувшись в сторону движения поезда, Вячеслав отвесил шуточный поклон машинисту. Вряд ли тот его видел: поезд сверкающей змейей убегал вдаль, в сияющий рассвет. Мужчина прикрыл лицо от восходящего солнца рукой.

Было очень холодно. Куртка скрипела и собиралась жёсткими деревянными складками на плечах. В воздухе чувствовалось дыхание зимы: она, видно, прибыла более ранним экспресом. Ноябрьский лес в пятидесяти метрах от перрона стоял холодный и неприветливый. Вячеслав, закинув на плечо рюкзак, побрёл по едва заметной тропинке в сторону леса.

Станция называлась "Ничейная Роща", и Вячеслав не мог представить, кому (кроме него самого, конечно) могла понадобиться неприветливая тайга. Особенно в это время года. Время грибов ещё не прошло, но все причастные к этому увлечению давно уже выбрались в лес и принесли божестью хвойных иголок и звонких ручьёв положенную дань из собственных сырых следов.

Он вошёл в тень, и сразу стало холоднее. Мороз пощипывал мочки ушей, выглядывающих из-под черной вязаной шапки. Борода трещала, будто по ней пробегали электрические разряды. Меж осин и елей убегала вдаль едва заметная тропка – такая, что не проехать ни на одном транспортном средстве, включая лошадей. Только человек, не перегруженный вещами, мог пролезть между стиснутыми в кулак пальцами тайги. Только егеря, чудаковатые лесные люди, знали, как превратить её в распахнутую для рукопожатия ладонь. Вячеслав не был егерем. Он был учёным, который к тому же оставил почти всю свою науку дома.

Шаркая ступнями по палой листве, Вячеслав расслабленно думал о всяких мелочах, вроде самогонки на еловых шишках, запах которой прокрался незамеченным между суровых стражников-десятилетий и проник прямо к нему в ноздри, а вот вкус – нет; он тогда был слишком мал, чтобы такое пробовать. Бутылки с запретным напитком стояли на антресолях одного затерянного в дикости дома. Они и теперь там стоят, правда, пустые. Ни дяди, ни тётки уже нет, рецепт погиб с ними. Бесповоротно теряя некоторые вещи, остаётся только смириться.

Появление ярко-красной крыши прошло для занятого своими мыслями Вячеслава почти незамеченным. Она выглядела как переспевшая кедровая шишка, из которой вывалились почти все семена: пластины черепицы где-то топорщились, показывая чёрное нутро, а кое-где отвалились вовсе.

Дому требовался ремонт. Во время дождя он протекал, как десять раз использованный бумажный стаканчик. Перекрытия всё ещё отлично держали влагу, поэтому жилое пространство почти не страдало, однако на чердаке творилось чёрте что. Каждый год, проведя в тайге запланированные выходные и стоя на перроне в ожидании поезда, Вячеслав давал себе зарок подумать о ремонте. Но в следующий раз вновь не брал с собой никаких инструментов, только сачки, банки и энтомологическую энциклопедию – всё, как всегда.

"Как бы, скажите на милость, я доставил сюда строительный материал?" – думал он, когда по ночам дом принимался разговаривать с ним на своём скрипучем языке.

О том, что (при должной фантазии) поблизости можно увидеть филиал "Леруа Мерлен" в дни тотальной распродажи в отделе пиломатериалов, Вячеслав предпочитал не думать. Он – энтомолог, а не строитель. И приезжает сюда всего на несколько дней.

Дом и в самом деле почти кукольный. Прогулку неспешным шагом вокруг можно совершить за одиннадцать секунд. Две таёжные ели, *princea abies*, склонились над ним, будто мать и тётка, изумляясь тому, что ребёнок постарел прямо в колыбели. У южного торца – останки маленького огорода, отделённые непонятно зачем низким палисадом, который большей частью уже лежал на земле. Кто-то из дальних родственников Вячеслава искренне верил, что если разбить сад на пару шагов ближе к экватору, то получится урожай, превосходящий все показатели шестидесятых годов – конечно, в пересчёте на такую маленькую площадь. Сейчас здесь процветала только крапива. В прошлом году Вячеслав, заручившись рецептом, сварил из неё, да ещё из белых грибов, замечательный суп. С тех пор заросли стали только гуще.

С другой, северной стороны дома – крыльцо и крошечная веранда. Доски её грохотали и скрипели, как клавиши старого пианино. Больше здесь не на что было посмотреть – разве что на грубую, как бранное слово, но по-доброму тёплую на ощупь печь-камин, выдающуюся с одного бока. Её, будто вставную челюсть, плотно держали дёсны-брёвна. Необработанный камень сиял в редких лучиках солнца этакой скромной драгоценностью.

За будкой туалета лежали гнилые доски. Там жили мыши, а однажды Вячеслав спугнул оттуда хорька... вернее попытался спугнуть, но в конце концов убрался сам, сопровождаемый возмущённым верещанием и белеющими в сумраке зубами. Что ни говори, а "мой далёкий дом", как про себя называл его нынешний хозяин, достаточно унылое место, особенно в пасмурную погоду. От мокрой древесины пахнет землёй, а на языке сам собой возникает горький осадок. Тянуть сюда может только по-настоящему одинокого и далёкого от бурления жизни человека, именно поэтому Вячеслав позволял себе приехать сюда лишь на несколько дней в году. Благополучно разменянный пятый десяток, серьёзная работа, которая в пору отпусков вынуждает тебя хорошенько помотаться по стране, да не законченная научная работа придавали его жизни определённый вектор.

Но да, Вячеслав, упав вечером с бокалом пива в кресло перед каким-нибудь фильмом или расположившись за письменным столом с неизменными очками на носу, частенько думал: каково там сейчас, в мире резных кленовых листьев и слежавшихся в ароматную массу хвойных иголок?

– Ну, привет, – сказал он, сбросив на крыльцо рюкзак. – Давненько не виделись. Прости, я немного припозд...

Только теперь он заметил нечто, выбивающееся из привычного хода вещей. Воздух не был диким. Он был прирученным... даже на крыльце. А возле двери – невысокие походные ботинки, облепленные грязью и коричневыми листьями.

– Вы бы не оставляли их снаружи, – громко сказал Вячеслав, открывая дверь. Он поднял обувь и внёс её внутрь. – Она может понравиться какой-нибудь гадюке. Внутри темно и уютно – как раз по душе земноводному. Сейчас они все греются на солнышке. Но вот ближе к ночи это может быть опасно.

Вячеслав был готов к чему угодно: например, увидеть замёрзшего насмерть человека, путника (судя по ботинкам, тот прошёл немало, да ещё попал под дождь), у которого не осталось сил развести огонь в очаге. Даже отчасти ожидал этого. Дым был бы виден издали.

Он никогда не запирает дверь. Только накидывал крючок, который не позволял лесным зверям устроить тут себе жилище. Мало ли кому может понадобится крыша над головой?

Стёкла, затянутые паутиной, залепленные рыжей листвой, делали из единственного на много километров вокруг сотворённого человеческими руками жилья укромное место – вроде того, что есть внутри каждого из нас и куда мы сбегает, когда вокруг становится слишком холодно и неудобно.

Вот только мы редко привечаем (даже в том случае, когда не вешаем замок) в своём убежище постороннего.

Здесь была женщина. Подняв глаза, она прошептала:

– Здравствуйте.

Вячеслав остановился на пороге, будто школьник, опоздавший на урок. Незнакомка восседала на стуле, подогнув под него ноги, в самой тёмной части дома, там, куда не доползали даже тусклые пятна света. Она будто светилась изнутри: белое лицо, яркие, с рыжиной, коричневые волосы, вокруг которых, словно планеты вокруг солнца, летали пылинки. Крупные губы, выглядящие как сложнейшее в мире оригами, лицо преждевременно постаревшего ребёнка.

«Ей лет сорок, – решил Вячеслав. – А если убрать эти морщины возле глаз и под нижней губой, то, может, около двадцати или даже меньше...»

В глазах испуг, будто женщина сама не слишком понимала, как здесь оказалась.

Гостя позаимствовала один из двух имеющихся в комнате стульев – деревянных, с высокой резной спинкой и искривлёнными ножками; они будто воссоздавали вокруг себя атмосферу дома-музея одного из великих писателей, – пододвинула его к книжному шкафу и теперь изучала его содержимое, пальцем вытирая пыль с корочек и сортируя книги по стопкам согласно одной ей ведомой классификации.

Увидев Вячеслава, она оставила своё занятие.

– Там есть керосиновая лампа... – сказал он. – А керосин – вон там, за печкой, если, конечно, в прошлом году я хорошо завинтил пробку и он весь не выпарился... Я вас не испугал? Не ожидал увидеть здесь гостей.

– Простите. Я проникла в ваш дом, – знакомка огляделась и несколько раз кивнула сама себе, будто успела позабыть, где находится. – Просто здесь было открыто, и я...

Вячеслав замахал руками:

– Что вы! Всё в порядке. Для того здесь и не висят замки. Знаете, просто удивительно, что сюда кто-то заглянул... за десять лет здесь был только местный егерь, да и то зимой. Он оставляет мне записки на столе, приличного качества самогон, ещё иногда вяленого мяса. Отличный мужик. Правда, я его ни разу не видел. Он всё обещал заглянуть летом – когда я здесь бываю – мол, выпьем, и все дела... но не сдержал обещания. А может, заглядывал, да меня не застал. Никогда нельзя сказать заранее, когда работа позволит приехать. Кроме того, этот дом, строго говоря, мне не принадлежит. Им владели мои дальние родственники. С тех пор, как они умерли, я остался единственным, кто имеет хоть какую-то возможность сюда выбираться.

На губах женщины появился намёк на улыбку.

– Вы так много разговариваете. На самом деле это я должна оправдываться. Проходите. Будьте дома... а я, пожалуй, буду как дома. Простите, что не затопила печь и не приготовила обед. Не думала, что кто-нибудь придёт.

Она бросила взгляд в окно, будто желая удостовериться, что ноябрь никуда не делся.

«Конечно, она меня ждала!» – вдруг понял Вячеслав. Он не из тех людей, что чувствуют ложь за триверсты, но сейчас – впервые в жизни! – что-то за рёбрами шевельнулось и шепнуло: «Неправда. Всё, что она сказала, – неправда».

От этого открытия ему стало неудобно. Вячеслав, поддевая носами пятки, неловко скинул ботинки.

– Меня зовут Мариной, – сказала женщина, вернувшись к книжным полкам. Будь она кошкой – могла бы забраться между ними и уснуть, прижимаясь спиной к корешкам.

– Далековато же вы забрались от моря.

– Думаете? А как же Баренцево? А Норвежское? Не больше сотни километров. Для чайки, например, преодолеть это расстояние – раз плюнуть.

Белоснежностью кожи и изящностью движений она и впрямь напоминала чайку. Вячеслав выпятил нижнюю губу.

– Разве в таких местах есть жизнь? Я всё время думал, что Марины предпочитают тёплые местечки на побережье под лазурным солнцем.

Женщина прикрыла глаза:

– Только представьте: огромные глыбы льда, рассекающие свинцовые волны. Мокрые скалы, удар каждой волны по которым – что удар молота по наковальне. Жизнь таким местам не больно-то нужна. Она там есть, но они прекрасно могут без неё обходиться. Они, так скажем, её не поощряют. А что до вас? Обрадуете каким-нибудь глубокомысленным именем, связанным с тайгой?

Вячеслав представился. Он был занят делами – пересёк дом и выудил из-за печи канистру с горючей жидкостью. Заправил лампу и переставил её ближе к гостю – за закопчёнными стёклами уже плясал крошечный огонёк. Поворошил в камине угольную пыль: кажется, с прошлого года здесь никто не ночевал. Проверил дымоход.

– Не знаю, какие таёжные мотивы вы можете здесь откопать. Я, наверное, так же не похож на своё имя, как и вы. – Вячеслав подумал и прибавил: – Без обид.

– Напротив. Борода делает вас настоящим сибиряком. И имя только это подчёркивает.

Вячеслав подумал о своём больном сердце, о ревматизме, приступы которого сопровождали начало первых декабрьских заморозков, и проблемах с простатой.

– Я не протянул бы без цивилизации и полугода. Я учёный. Мне просто нравится иногда дышать свежим воздухом. Но за столом со всеми благами цивилизации – компьютером, микроскопом и горячим кофе – я чувствую себя куда комфортнее.

Лицо женщины выражало непонимание. Было сложно сказать, к чему оно относится. Повисла неловкая тишина, а потом Марина спросила:

– Сколько вам лет?

Вячеслав откашлялся:

– Пятьдесят пять.

Марина покачала головой, как показалось Вячеславу, с неодобрением. Он подумал, насколько вежливо было бы спросить о возрасте её – действуют ли здесь правила приличия? – но врождённая робость взяла своё.

– И в какой же из областей вы учёный?

– Энтомолог. Чешуекрылые – вот моя специализация. Если по-простому, я гоняюсь за бабочками. Знаете, несмотря на климат, в этих лесах встречаются достаточно редкие виды.

– Даже в ноябре?

Вячеслав потёр подбородок. Он вдруг почувствовал укол паники, совершенно ничем необоснованный, будто сотни, тысячи человек вдруг завопили от боли где-то на грани слышимости.

– В ноябре, леди, вид *inachisio*... в смысле дневной павлиний глаз – впадает в спячку. Как медведи. Это в высшей степени любопытное явление, и, хотя оно уже описано вдоль и поперёк, увидеть своими глазами спящую редкую бабочку обязан каждый энтомолог. В том смысле, что не приходится бежать за ней с сачком целые километры.

Вячеслав только сейчас заметил, как необычно одета гостя. Тонкий болотного цвета анорак, такой пользовался в советское время неугасающей популярностью у туристов, жизнерадостно прущих свои палатки и пухлые, похожие на грозовые тучи, спальные мешки к горизонту; карман на животе слегка топорщился. Просторные штаны с чёрными заплатками на коленях, вязаные носки... волосы в лёгком беспорядке, как будто она предложила себя расчесать еловой лапе. Ничего похожего на рюкзак и походную сумку Вячеслав не увидел. Может, она, конечно, приехала на поезде, так же, как он, однако состояние обуви утверждало совсем иное. Дождя не было достаточно давно: земля чуть влажная от росы, но это никак не оправдывает грязи на подошвах, в которых каждый знакомый Вячеславу археолог почёл бы за честь поковыряться. Можно было предположить, что незнакомка шла через Терновые болота к югу

отсюда, но где в таком случае была отправная точка её пути? Оленегорск? Двадцать пять километров по тайге без рюкзака, палатки и спального мешка?

И ещё один нюанс: если она приехала поездом, то это был позавчерашний поезд. Эта ветка принимала у себя пыхтящих, распалённых бегом гостей не чаще одного раза в два дня, а сегодня он был на станции совершенно один.

Вячеслав тряхнул головой и вернулся к домашним делам, ведя с гостьей принуждённую, похожую на хождение лисицы вокруг свернувшегося клубком ежа, беседу.

Таёжный дом представлял собой единственное, вечно тёмное помещение, примерно семь на десять хороших, мужских шагов, до краёв заставленное мебелью. Мохнатый ковёр на полу потерял цвет и выглядел усталым и очень старым животным, которое, положив голову на лапы, отдыхало посреди комнаты. Возле дальней стены, будто череп другого, ещё более древнего зверя, белела печь, рядом – параллельно стене – простая кровать, застеленная клеёнкой. Вдоль стены по правую руку – шкаф для одежды (возле входа), далее – книжный шкаф с дверцами из мутного, уже местами потрескавшегося стекла – его-то гостья и одаривала своим назойливым вниманием – и, наконец, прикроватная тумба с керосиновой лампой. Одно время Вячеслав пробовал привить этой старой яблоне веточку цивилизации, привезя сюда хороший электрический фонарик, но в нём всегда – в самый неподходящий момент – садились батарейки, а кроме того, яркий, белый свет, как будто откуда-то вот-вот появится Иисус с распостёртыми для объятий руками и грозным обещанием на челе, по-настоящему неприятно резал глаза.

Возле противоположной стены – нехитрый кухонный гарнитур и закруглённый с одного конца стол; в этой части дома Вячеслав старался вести себя очень осторожно: одно неверное движение, и мир банок с вареньем десятилетней давности и склянок со специями, яичной скорлупой и чёрт-его-пойми чем лопнет, как мыльный пузырь. Скучало в своих ножнах почерневшее от времени оружие кухонного воина – черпаки и пузатые котелки. Здесь же были два небольших окна (третье располагалось рядом с дверью), в обычное время закрытых ставнями. Марина сняла их и внесла в дом, чтобы обеспечить себе немного света. Над окнами, у потолка, висели иконы, похожие на чёрные дыры в стене.

– С какой стороны вы пришли?

– Я уже сказала. От моря.

– Наверное, попали под дождь?

Марина не ответила. Она задумчиво рассматривала сложенные стопками книги.

– Интересно думать о людях, которые здесь жили, через призму этих кирпичиков. Смотрите, я кладу их друг на друга, как заправский каменщик. Получаются чужие жизни. В таком порядке читали их ваши родственники? Я угадала – или нет?

Вячеслав сощурился, глядя на потемневшие от времени корочки. К художественной литературе, в особенности советского периода, он относился с плохо скрываемым презрением.

– Сомневаюсь, чтобы кто-то вообще их открывал. Там есть несколько книг по фотографии – мой двоюродный дядя знал всё о затворах и объективах, разбирался в «Зенитах» и «Сменах» не хуже ребят, которые их собирали, – но это всё, что вы сможете найти там любопытным.

Женщина поджала губы:

– Не бывает такого. Если книги есть, значит, их читали. А значит, можно найти и пометки на полях, случайно забытые или даже спрятанные между страниц записки, закладки, служившие кому-то посланиями.

– Если найдёте, обязательно покажите мне, – сказал Вячеслав с улыбкой. – Уважаю ваш романтический настрой, но вы очень ошибаетесь, думая, что здесь кипела жизнь. Мои родственники были довольно скромными людьми. Замкнутыми. Они даже след на земле боялись оставить, не говоря уж о пометках в книгах. Ни с кем не общались... а с кем им в этой глуши общаться? До ближайшей деревни километров пять. И народ, который там обитает, ещё пом-

нит русско-финскую войну. Некоторые затруднятся ответить на вопрос, в какой стране они живут, спроси вы их об этом.

Он запнулся, пожевал губами и вдруг спросил:

– Быть может, вы пришли оттуда? Потому что вам больше неоткуда появиться. Здесь, в округе, нет больше ничего, кроме железной дороги. Разве что сошли станцией позже и полтора километра топали по болоту.

Он ухватился за эту версию, как утопающий за соломинку, но женщина опровергла её без тени улыбки:

– Может, я появилась из утреннего тумана? Открыла глаза и обнаружила, что милостивое провидение подарило крышу над головой.

Вячеслав засмеялся, похлопывая веником по клеёнке, на которой скопилась пыль.

– Появилась из тумана... чайкой прилетела... Норвежское море... вы в высшей степени необычная натура. Встречать таких посреди таёжного леса мне не приходилось... и, если хотите начистоту, не приходилось вовсе.

– Только не вздумайте в меня влюбиться.

Под пронизывающим, как ветер, взглядом Вячеслав почувствовал себя неудобно. Ему вдруг показалось, что рот женщины наполнен размокшей от слюны и утренней росы землёй, что стоит ей рассмеяться или, скажем, запеть, как она комками начнёт сваливаться с языка. Каркающим голосом он сказал:

– Здесь холодно. К вечеру будет совсем плохо. Если не возражаете, я затоплю печь.

Женщина рассеянно кивнула. Кажется, она каким-то непостижимым образом хранила целомудрие и не пускала под тонкую ткань анорака ладони ноябрьского холодка.

Работа помогла разогнать по венам кровь. Вячеслав проверил, не отсырели ли сложенные рядом с печью дрова, нашёл в платяном шкафу топор и точильный камень, привёл в порядок лезвие. Потом вышел наружу, под холодный листопад, углубился в лес и срубил несколько гнилушек. Молодым деревцам в тайге часто не хватает света и пространства, чтобы раскинуть сеть корней. Они чахнут, как тонкие, статные девы, которых недобрые родственники бросили в темницу. Когда Вячеслав нёс их обратно, они стучались, как старые кости. Он думал, что, наверное, задремал, присев после долгой дороги на стул, и что, вернувшись, обнаружит дом пустым и молчаливым.

Конечно, гостя никуда не делась. Она прошла за обеденный стол (перетащив туда стул) и одну за другой выставила на него баночки со специями. Отвинчивая крышки и втягивая носом запах, она то и дело сотрясала воздух громким чихом и говорила что-то вроде:

– Ну надо же, куркума! Хозяйка здесь была затейницей... и откуда только здесь, в глуши, взялись такие вещи? Ведь раньше её не так просто было достать.

– Вы не думаете, что я мог привезти что-то с собой, уже после их смерти? – не слишком приветливо спросил Вячеслав.

– Так это вы?

– Не я. Почти ничего здесь не трогал с того момента, как умерли дядя с тётёй. Здесь и без моих инициатив неплохо.

Когда в жерле печи заморгали сонные глаза живого огня, стало уютнее. В паутине по углам засеребрился странный свет, Вячеслав было хотел её убрать, но потом передумал. Он вычистил умывальник на веранде, выбил клеёнку и решил поговорить с Мариной начистоту. Вернувшись в дом, он спросил:

– Послушайте. Будет неплохо, если вы расскажете мне, что ищете.

Женщина отставила очередную баночку в сторону:

– Я никоим образом не хотела нарушить ваш покой. Если хотите, я прямо сейчас исчезну.

Вячеславу стало неуютно под пристальным взглядом зелёных глаз. Нет, пожалуй, первый раз он не ошибся: ей не может быть меньше сорока. Не двадцать, нет. Такой взгляд, взгляд, исполненный какой-то мудрой усталости, не может принадлежать молодой девушке.

– Вы достаточно хорошо знаете историю своей семьи? – спросила она.

– Ну... я уже говорил, что семья, которая здесь жила, к моей имеет мало отношения. Моя мать умерла при родах. Отец много мотался по тюрьмам и в конце концов в одной из них и сгинул – ни разу его не видел. Даже фотографий. Я вырос у бабушки с дедушкой по материнской линии – они-то и стали мне родней.

Вячеслав говорил торопливо, сутулясь и недоумевая: почему он так боится? Женщина слушала, склонив голову набок, а потом выдохнула:

– Жить в доме и не знать его истории...

– Я просто за ним присматриваю. Этот дом – как живое существо. Только незащищенное, знаете... беззубое. Он, как старуха... да, точно, старуха, которой нужен уход. Если хотите, я проведу для вас небольшую экскурсию. Большая не получится, по той лишь простой причине, что смотреть здесь решительно не на что.

Она встала со стула, с которым, казалось, была связана какой-то общей тайной, вроде как убийца с местом убийства, – от неожиданности Вячеслав шарахнулся назад и больно ударился головой о дверной косяк. Потянулась через стол к дальнему его концу и, взяв двумя пальцами, как икону, продемонстрировала небольшую фотографию в овальной рамке.

– Кто это?

Вячеслав прищурился. С чёрно-белой фотокарточки на него смотрела старомодно одетая женщина лет пятидесяти, с морщинами вокруг глаз и неожиданно улыбчивым, светлым лицом. Из-за монохрома её кожа имела оттенок свежеснежного снега. Возможно, это просто игра света, причуды чёрно-белого снимка, но скорее всего женщина на самом деле очень бледна. Вячеслав узнал спинку стула – на нём только что восседала Марина, – а также окно за спиной женщины, в которое стучались ветвями сливы. Конечно, сейчас никаких слив там нет. Те невероятные заросли, в которые они превратились, Вячеслав вырубил лет пять назад. Кудрявые её волосы, ничем не сдерживаемые, потоком спускались на грудь, и Вячеславу вдруг показалось, что эти пряди касаются его затылка и щекочут шею. Будто женщина с фотографии, вытянувшись в высоту раза в полтора-два, склонилась над ним и хочет прошептать что-то на ухо. Или смотрит на саму себя через его плечо.

Конечно, это всего лишь просочившийся через приоткрытую дверь холодок. Вот и огонёк лампы пустился в пляс, как будто надеялся таким образом сбросить свои стеклянные оковы...

Вячеслав повернулся и захлопнул дверь. С расстановкой сказал Марине:

– Я знаю эту женщину. Вытащите фотографию из рамки и посмотрите на обороте: там есть имя и дата съёмки.

Марина последовала совету. Кажется, глаза её совершенно не нуждались в свете. Даже скрючившись в тёмном углу, она прекрасно разбирала текст в книгах, учитывая, что влага и перепад температур оставили от типографской краски лишь бледные силуэты.

– Марта Елисеева. Пятьдесят третий.

Вячеслав прочистил горло:

– Как я уже сказал, мой дядя – дядя Василий – увлекался фотографией. У него была мастерская – вон там, за огородом, – но к тому времени, как я здесь появился, лес уже разобрал её на дощечки. Странно, что он не сломал дом. Обычно он скор на расправу...

– Это его жена.

– Верно. Они жили здесь до самой смерти – она умерла в восемьдесят седьмом, он в восемьдесят девятом. Детей у них не было.

– Как ваш дядя мог жить здесь два года после её смерти? В полном одиночестве. В окружении этих больных деревьев. А зимой... – Марина поводила в воздухе пальцем, словно хотела

попробовать его на густоту. – Зимой, наверное, здесь такая стоит тишина, что кажется, будто ты оглох.

– Недолго, – буркнул Вячеслав. Ему не слишком нравился их разговор. Будто со всех сторон к дому приближаются призраки бесед, которые здесь вели двое забравшихся в кокон одиночества людей, и бесед, которые вёл сам с собой дядя, когда остался один; с чавкающим звуком выкапываются из земли, с ватным шорохом рвут над собой пласт хвои, и вот они прижимаются к стеклу, погружая комнату в подлинный мрак. Даже дышать стало труднее. Всего лишь облака стадом грязных овец закрыли солнце. – Он умер в декабре, и тело, почти сразу замёрзнув, не успело разложиться. Нашли его в конце зимы. К дяде съезжались фотографы со всей страны. Фотографы – чудаковатый народ, они готовы ехать в гости к такому же чудику – и, конечно, ради хорошего кадра – в любую глушь и в самый неурочный час. А дядю уважали. О нём ходила слава как о прекрасном пейзажисте.

Хотя прошло уже больше двадцати лет, в памяти Вячеслава живы были подробности той зимы... О, что это была за зима! Делегация, члены которой не раз и не два бывали в гостях у Елисеевых, два раза прошла мимо дома, прежде чем кто-то понял, что этот снежный холм и есть пункт их назначения... Стоило снять снегоступы, как ты погружался по самое горло в пухлый, холодный снег, будто в наполненную ледяной водой яму.

– Значит, на стенах тоже его фотографии? Я думала, это старые открытки.

Вячеслав кивнул. По стенам в простых тёмных деревянных рамках висел лес, будто окна в прошлое на десятки лет назад. Места, которые они изображали, уже нельзя было узнать. Старик любил снимать всякие мелочи. Запятые в монументальной работе времени, новорожденные грибы, на шляпках которых каплями собиралась слизь, лупоглазых лягушек на камнях возле ручья. Фотобумага пошла волнами, чёрный цвет стал ещё чернее, а белый выглядел грязно-серым.

Марина кусала губы, разглядывая фотографии, как будто с них снизошла на неё некая тайна. Вячеслав вдруг подумал, что она словно ребёнок, которому можно дать в руку любую безделушку и тем самым занять его на добрых полчаса. Вместе с тем ему пришла в голову неожиданная мысль: с самими детьми никогда не стоит обращаться, как с безделушками. В самых простых вещах они видят что-то, что уводит их в космос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.